

Возможный аргумент в пользу феноменологического подхода¹

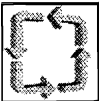
Г.Б. ГУТНЕР

Статья Н.М. Смирновой показывает значимость феноменологии для социальной науки и социальной эпистемологии, в частности. В ней очень точно, на мой взгляд, выражено существо феноменологического подхода к исследованию социальных явлений. Последний базируется на феноменологической редукции, т.е. особом акте сознания, состоящем, по выражению автора, в «переключении внимания с объекта познания на порождающие механизмы его репрезентации во внутренней жизни индивида». В социальных исследованиях такое переключение требует сосредоточить внимание не на социальных фактах и институтах, а на смыслах, на «интерсубъективной смысловой структуре» социального мира.

Я думаю, что выбор феноменологического подхода нуждается в настоящее время в дополнительном обосновании. Ориентация на постижение смысла, а не на описание институтов эвристически чрезвычайно полезна. Вопрос, однако, состоит в том, насколько такая ориентация позволяет раскрыть существо социальной сферы. Понимающая социология исходит из первичности смысла как из базового допущения, которое впоследствии оказывается оправданным успехом проведенного исследования. Однако в настоящее время не менее успешные исследования основываются на анализе социальных институтов. Судя по всему, можно выделить три взгляда на соотношение смысл-институт и, соответственно, три общих подхода к социальным исследованиям.

Прежде всего можно указать на «понимающую социологию», т.е. на рассмотренный в статье феноменологический подход. Он

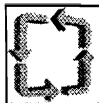
¹ Подготовлено при поддержке РГНФ. Грант № 07-03-0028а.

основывается на анализе смысловых структур и рассматривает институт как объективированную систему смыслов. Основное внимание должно быть уделено субъекту и его сознанию как источнику смыслов. Регламентированные в рамках институтов социальные практики оказываются в таком случае отчужденной от субъекта реальностью. Отношения субъекта с институтом выглядят в этой ситуации весьма драматично, поскольку порождаемые им смыслы присваиваются и используются институтами и, возможно, оборачиваются против него самого. Весьма определенно такую драму описал сам Гуссерль, рассмотрев одну из самых значимых социальных практик: языковую фиксацию и традирование однажды установленных смыслов. В «Начале геометрии» он показал, как техники передачи смысла вытесняют сам смысл, превращаясь в отчужденные от субъекта языковые механизмы.

Второй из возможных подходов опирается, напротив, на понятие института. В рамках этого подхода в XX веке было развито множество разнообразных исследовательских стратегий, подчас имеющих между собой мало общего. В качестве примеров можно указать структурализм, концепцию языковых игр (Л. Витгенштейн, С. Крипке), теорию габитуса (П. Бурдьё), теорию социальных систем (Н. Луман). При всем многообразии этих стратегий их объединяет одно убеждение: субъект как источник смысла неинтересен для социального исследования. Сколь бы различны ни были взгляды работающих в рамках этого подхода исследователей, они едины в своем отрицании феноменологии. Смысл может быть рассмотрен как чисто психический феномен, вторичный по отношению к социальной реальности. Вся вторая половина XX века характеризуется доминированием таких подходов. М. Фуко увидел в этом появление новой эпистемы, господство которой означает «смерть человека». Я думаю, что значительные успехи социальных исследований такого рода не оставляют места для той феноменологии, которая была развита в предшествующие десятилетия. Требуется, повторюсь, дополнительные аргументы в пользу феноменологического подхода.

Возможен, наконец, и третий подход, который состоял бы в совмещении двух названных. Феноменологический анализ может выступать не как фундаментальная исследовательская стратегия, а как один из инструментов социологического анализа. Значимость интерсубъективных смыслов в социальной сфере есть в таком случае допущение, позволяющее лучше понять структуру и функционирование института. Я думаю, что такое восприятие феноменологии есть естественное продолжение того, что Н.М. Смирнова назвала «когнитивно-научным обмирщением». Задача феноменологии видится не в прояснении универсальных эйдетических структур, но лишь частных смысловых структур,

разделяемых тем или иным сообществом. Такое прояснение может весьма продуктивно сочетаться с позитивным исследованием институтов. Эффективность феноменологических методов могла бы стать аргументом в пользу феноменологии.

Я, однако, думаю, что феноменология не является лишь неким инструментом, который квалифицированный исследователь должен держать под рукой. В пользу феноменологического подхода могут быть высказаны и другие аргументы, один из которых я хотел наметить в этом комментарии.

Значимость анализа смыслов в социальном исследовании раскрывается благодаря тому, что П. Рикёр назвал «герменевтической прививкой к феноменологии». Всякая социология обречена быть «понимающей», даже если социолог не декларирует приверженность указанному направлению. В отличие от естествознания, социальные науки не располагают средствами для наблюдения за своими объектами. Единственным источником знания для них являются свидетельства акторов о себе самих. Интерпретация свидетельств – это первое, что делает исследователь социума. Далее он может строить любые объективированные описания: классифицировать, подвергать статистической обработке, строить математические модели. Но прежде всего он должен понять, т.е. разделить с актором какие-то общие смыслы. Иными словами, социальное исследование исходно является герменевтическим.

Как всякая герменевтическая практика социальное исследование предполагает некоторое *предпонимание*. Сам исследователь и те, на кого направлен его исследовательский интерес, должны исходно иметь некую общую смысловую базу, без которой была бы невозможна интерпретация свидетельств. Выявление такой базы как *условия возможности* социальной науки составляет задачу феноменологии. Она предстает здесь как философский метод, а не как инструмент социолога. Вопрос о жизненном мире, так остро поставленный в конце статьи, имеет собственно философский интерес именно тогда, когда подразумевает прояснение исходных установок сознания, разделяемых всеми людьми и служащих основанием всякого возможного понимания. Гуссерль, как известно, пытался разработать концепцию жизненного мира как предельного основания человеческого мышления. Однако тема жизненного мира, став предметом социологического исследования, остается весьма проблематичной именно с точки зрения предельного философского вопрошания. Правомерен, на мой взгляд, вопрос автора статьи: «исчерпывает ли “жизненный мир” онтологические характеристики человеческого бытия в целом?» Мне, впрочем, не вполне понятно упоминание Н.М. Смирновой о «бытии, взламывающем основные паттерны жизненного мира». Я по-

лагаю, что исследование жизненного мира дает возможность для углубления феноменологического анализа.

Сейчас (и об этом также стоит упомянуть в статье) можно говорить о множественности жизненных миров. Разные исторические эпохи и сообщества создают свой жизненный мир. Мы не можем, следовательно, наделять его тем трансцендентальным смыслом, который предполагался Гуссерлем. Однако не отпал вопрос об универсальных структурах, конституирующих жизненный мир человека. Эти структуры выразимы самим понятием человечности. Проявлением таких структур, по-видимому, следует считать язык, культуру, мораль, рациональность. Составляя понятие человечности, эти категории являются предметом феноменологического анализа. Речь идет не об исследовании различных языков, культур или типов рациональности, а об их эйдетических основаниях. Благодаря этим основаниям, я, как человек, способен распознать язык, в другом, непохожем мой языке, признать рациональность иную, нежели моя собственная рациональность и т.д. Тем самым я в конечном счете могу соотносить свой жизненный мир с иным жизненным миром даже тогда, когда речь идет о другой исторической эпохе. Способность такого соотнесения и обуславливает возможность социального (и любого гуманитарного) исследования. Но она же лежит в основании человеческого общения вообще.

Феноменологическое прояснение оснований представляет собой экспликацию опыта самопонимания и понимания другого. Смысл этой экспликации в том, что ее результат должен иметь универсальное, более того, трансцендентальное значение. Именно на это направлена феноменологическая редукция, о чем, впрочем, требуется говорить подробно и не в формате комментария. Здесь же можно сказать, что представление такого опыта, связанное с прояснением эйдетических структур человечности невозможно в рамках объективного описания социальных институтов. Это и составляет, на мой взгляд, серьезный аргумент в пользу феноменологии.